

«Более всего он желает видеть Венецию...» Еще раз о возможном посещении Петром I «города мостов и каналов»

Аннотация. Посещение Италии было частью программы Великого посольства. Перспективы политического и военно-технического сотрудничества с итальянскими государствами, в первую очередь с Венецией и Римом, были для Петра I очевидными и первоочередными. В контексте предыдущих и особенно последующих контактов России и Венецианской республики запланированный визит следует признать очень важным. Официальная историография, однако, не доносит до нас сведений о такой поездке, не оставляя для нее времени после получения государем известия о бунте стрельцов. И хотя формально Петр, принужденный срочно вернуться в Москву, отказался от вояжа, есть косвенные сведения, говорящие о том, что неофициально он совершил блиц-визит, пробыв в лагуне один или два дня. Автор возвращается к этой закрытой было теме в связи с публикациями С. О. Андросова, который предположил, что такое посещение могло состояться. Изучение изданных документов, в первую очередь донесений дипломатов и тайных агентов, привело исследователя к определенным выводам. Автор решил вновь пройти тем же путем, параллельно изучая те документы, которые не цитирует С. О. Андросов. Результатом стало появление дополнительных аргументов в пользу гипотезы Санкт-петербургского ученого и искусствоведа.

Ключевые слова: Петр I, Александр Меншиков, Карло Рудзини, Федосей Скляев, Венеция, Великое посольство, визит, инкогнито, стольники, кавалеры.

Abstract. A visit to Italy was part of the program of the Grand embassy. The prospects of a political and military-technical cooperation with the Italian government, in the first place with Venice and Rome, were evident and primary causes for Peter I. Within the context of the previous and, especially, the last contacts between Russia and the Venetian Republic a planned visit there should be considered very significant. The official historiography, however, does not present us with information regarding this trip, not leaving space for it after the sovereign received the news of the uprising of the Streltsy. Although Peter formally, being forced to urgently return to Moscow, cancelled the voyage, there is indirect evidence indicating that he unofficially made a "lightning-visit" for a day or two to Venice. The author goes back to this seemingly closed topic in view of the publications of S. O. Androsov, who suggested that this visit could have taken place. The study of the published documents, in the first place the reports of diplomats and secret agents, led the author to certain conclusions. The author decided to once again address this question, using supplementary sources not cited by S. O. Androsov. The result was the revelation of additional arguments in favour of the hypothesis of the Saint-Petersburg scholar and art historian.

Key words: Peter I, Alexander Menshikov, Carlo Ruzzini, Theodosei Skliaev, Venice, Grand embassy, visit, incognito, Stolniks, cavaliers.

Как мы уже имели случай отметить, Петр I продолжал линию на интеграцию в общеевропейскую политику, проводившуюся еще В. В. Голицыным [1]. Однако царь не был теоретиком – в международных делах и во всем, к чему он чувствовал интерес, он был практиком [2, 352]. Именно этим свойством объясняется задуманное им Великое посольство, благодаря которому он непосредственно познакомился с реалиями жизни За-

падной Европы, имел возможность установить личные контакты с монархами, политиками и коммерсантами, изучил морское дело и ремесла, чтобы самому узнать все то, чему он посылал учиться русских дворян [3, 304].

Политической целью посольства было установление долгосрочного наступательного военного союза (причем программой-максимумом территориальных приобретений была мечта русских государей – завоевание Константино-

поля), и тут переговорщиков ожидало больше неудач, чем успехов [4, 8; 5, 591; 6, 31, прим. 17, 372–373; 7, 89, прим. 32; 8, 432; 9, 13–14].

Однако по справедливому замечанию Д. и И. Гузевичей, Великое посольство в конечном счете явилось лишь дымовой завесой для первого знакомства и возможно более полного изучения технических достижений Европы, в первую очередь в военной области. Такую «легальную разведку» проводили волонтеры, временами действовавшие одной группой под началом самого Петра, а временами разбиравшиеся на небольшие отделения (десятки) под руководством его доверенных лиц (группы включали в себя и более 10-ти человек, причем одним из десятников был сам царь) [10, 397; 11, 17–20, 85–138, 265–266]. Они учились практическим вещам, прежде всего корабельному ремеслу, изучали языки, знакомясь с доселе неведомым Московии новым миром Европы, а самодержец и его ближайшие помощники договаривались о найме и присылке в Россию различных специалистов и вели переговоры коммерческого свойства, касавшиеся в основном опять же военного и морского снаряжения, в то время как посольство выполняло функцию прикрытия этих действий царя. Впрочем, свою роль школы дипломатии оно также сыграло.

Те же самые цели, распадавшиеся на политические и военно-технические, ставил себе Петр и на запланированных переговорах с Венецианской республикой. Венеция привлекала государя, и он желал лично посетить столицу Республики, чтобы своими глазами увидеть «город мостов и каналов» и, конечно же, употребить эту возможность не только для развития двусторонних дипломатических контактов, но и для углубления своих знаний в области кораблестроения. Посольство оставалось в Вене, а Петр рвался в Венецию [4, 135]...

Но прежде всего: когда царя впервые посетила идея о заграничном путешествии? По словам информированных современников, он планировал осуществить такой вояж еще за два года до того, как смог реализовать его на деле [11, 20–21, 26]. В 1695 г., однако, он был занят подготовкой и проведением 1-го Азовского похода, в целом неудачного для русской армии. И пусть поездка отложилась, зато пришло понимание ее будущего конкретного наполнения в связи с осознанной теперь необходимостью создания военного флота и, как следствие, что важно для нас, возникла переписка с Венецией, которая была для Петра из всех европейских морских

держав наиболее удобным партнером в области военно-технического сотрудничества – как союзник в борьбе с Османской империей. Венецианский резидент сообщает из Бранденбурга 14/24 мая 1697 г.: «...более всего он желает видеть Венецию и Амстердам ради морского дела. Он так увлечен мореплаванием, что не желает путешествовать иначе, как водою» [11, 30].

Так, 18/28 марта 1695 г. Петр пишет дожу Вальеру письмо, в котором сообщает о своем намерении совершить поход на Азов. Не приходится сомневаться, что эта первая грамота Петра как самостоятельного государя венецианскому дожу (до этого – с 1683 по 1689 гг. – были грамоты, подписанные соправителями Петром и Иоанном при регентстве царевны Софьи) имела целью помимо выражения надежды на военный союз также возобновление контактов ввиду задуманного путешествия царя в Европу [1].

В 1696 г. Петр пишет еще два письма дожу, в одном из которых (от 30 июля ст. ст.) он предлагает вступить вместе с цесарем в союз против турок, а в другом (от 7 августа ст. ст.) сообщает о взятии Азова [12, 98–100, 108–109]. В первом из них объявляется о направлении послом в Вену дьяка Козьмы Нефимонова с предложением о подписании союза «крепчайшего ради на неприятелей Креста святого, Турского салтана и хана Крымского, общих оружий христианских соединения и для совершенного над теми же помянутыми неприятелями впредь воинского промыслу утверждения и союзного временного на несколько лет постановления» [13, 98–99].

В Венецию же отправляются «стольники» – представители знатных русских семейств – для обучения морскому делу. 25 февраля ст. ст. 1697 г., незадолго до своего отъезда (Петр выехал из Москвы 9 марта), царь пишет рекомендательные грамоты для двух групп русских дворян общим числом почти 40 человек, которые «охотно и тщательно намерили во Европе присмотреться новым воинским искусствам и поведением» [14, 43; 13, 133; 11, 34; 8, 267–268, 672, прим.]. Таким образом, он открыто просит допустить русских к военным секретам венецианцев, что должно подразумевать высокую степень доверия между союзниками, каковыми Москва и европейские державы становятся официально 29 января / 8 февраля 1697 г., когда Нефимонов наконец подписывает договор о военном союзе между Германской империей, Венецией, Польшей и Россией [4, 16].

Со своей стороны, Россия всегда охотно принимала выходцев из Светлейшей республики

как специалистов в различных областях знания и производства. Так, например, «московские венецианцы» братья Лихуды находились на службе у русского государства с 1685 г. [15; 16; 17]. С 1688 по 1691 гг. Иоанникий Лихуд даже отправлял должность посланника в Венеции, извещая дожа Морозини о походах русских войск к Перекопу [18]. Частная школа итальянского, которую Лихуды открыли после 1694 г., стала первой русской школой по изучению современного языка. Она находилась под покровительством самого государя, что показывает важность итальянского направления для русской политики перед Великим посольством, а приоритетным из государств в части военного сотрудничества была, как сказано выше, именно Венеция [19, 241–273; 20, 295–301].

В ходе Великого посольства был намечен государственный визит в столицу Республики Святого Марка, который самодержец должен был осуществить непосредственно после посещения Вены.

Крупнейшие отечественные историки на основании данных камер-фурьерских журналов и свидетельств западных дипломатов (не всегда, впрочем, согласных между собой) сходятся во мнении, что Петр, получив в день своего отправления известие о стрельцком бунте, отменил поездку в Венецию и, повременив некоторое время в Вене в ожидании «отпуска» посольства императором Леопольдом, 19/29 июля двинулся в Россию вместе с великими послами Лефортом и Головиным [4, 144; 10, 549].

Проект чрезвычайно насыщенной программы посещения царем Венеции претерпел изменения еще до его окончательной отмены [8, 500]. Так, Карло Рудзини, посол «Серенисимы» («Светлейшая», *ит.* – официальный титул Венецианской республики. – А. Я.) в Вене, доносил 8/18 июля, что царь через Возницына просил, чтобы его приезд был «totalmente all'incognito, senza minima dimostrazione, apparecchio o incontro a qualunque parte» («полностью инкогнито, без малейшей огласки, приготовлений или встречи где бы то ни было») [8, 429]. Кроме того, Петр обратился к дипломату с просьбой подыскать ему на первое время жилье у кого-то из родных Рудзини, который также сообщает, что царь получил у него для себя «паспорт» на имя волонтера Alessandro Minschios (т. е. «Меншиков»), следующего с семьей кавалерами.

Однако судя по письму монсеньора Кузано, апостольского нунция в Венеции, кардиналу Спада, государственному секретарю Свято-

го Престола, венецианцы не планировали отменять торжественной встречи и увеселений, лишь отчасти сократив их. Здесь же он кратко описывает мероприятия, запланированные по случаю приезда монарха [8, 499–500].

По характеру встречи это все равно был бы государственный визит, причем к нему, как это было и в прежние времена при приеме русских посольств, решили привлечь греческую общину [21, 9–20]. В этом же письме Кузано сообщает: «По приказу Сената монсеньор Типальди, греческий епископ, должен отправиться в Местре, первое местечко на материке по дороге в Германию, чтобы встретить его на лодках. Это задумано в расчете на то, что он владеет языком и будет приветствовать царя от имени Республики, а заодно узнает об его наибольших пожеланиях, чтобы [правительство смогло] удовлетворить их» [8, 500]. Думается, Петр оказался осведомленным о том, что его «инкогнито» не оказалось бы таковым. Это важно учесть, чтобы понять мотивы его возможных дальнейших шагов относительно этого визита.

Русские должны были ехать двумя группами. 14/24 июля первыми по плану отправились волонтеры первого десятка во главе с Федосеем Склеяевым, а затем, 15/25 июля, должна была выдвинуться группа Петра, состоявшая вместе с ним из 8-ми человек [22, 28; 11, 255–256]. Путешествие было рассчитано на пять дней [8, 430].

Волонтеры успешно прибыли в Венецию и находились там до сентября, успев поработать «у галиацов и у каторг», о чем Склеяев писал впоследствии царю [4, 476].

Визит же Петра в Венецию не состоялся. О нем не упоминает никто из современников событий Великого посольства ни из русских, ни из европейских наблюдателей и мемуаристов, хотя к Петру тогда было приковано всеобщее внимание. (Донесения о перемещениях и времяпрепровождении царя направляли своему начальству посол Венеции в Вене Карло Рудзини, папский нунций в Германии монсеньор Санта-Кроче, испанский посол при имперском дворе епископ Сольсонский. Важную информацию о приготовлениях к приему Петра в Венеции черпаем из депеш монсеньора Кузано, папского нунция в Венеции, адресованных кардиналу Спада, государственному секретарю Святого Престола. Все эти материалы опубликованы Е. Ф. Шмурло в «Сборнике документов».) Свидетельства, согласно которым поездка все-таки могла осуществиться, обыкновенно не принимались всерьез историками, считавшими их «любопытным образчиком заблуж-

дения венецианского правительства, в течение нескольких дней пребывавшего в уверенности, что царь, которого ждали, будто бы действительно приехал и живет в Венеции, сохраняя строгое инкогнито» [14, 23; 10, 536].

«Возмутителем спокойствия» стал С. О. Андросов, опубликовавший статью «Петр Великий в Венеции», в которой он на основании имевшихся в его распоряжении данных венецианских архивов и опубликованной переписки дипломатов доказывает возможность блиц-визита царя в лагуну [23, 19–27; 11, 136–138]. Благодарим Сергея Олеговича Андросова за указание на важнейшие публикации, связанные с темой приезда Петра в Венецию, а также за ценную информацию о русско-венецианских связях в петровское время, которой он неоднократно делился при личной встрече и в переписке.

Учитывая внешние обстоятельства гипотетической поездки, ее максимальную засекреченность и краткость, информации, действительно, удастся собрать немного. Опираясь на приведенные Андросовым данные, а также на другие опубликованные документы, приведем некоторые аргументы, дополняющие его версию.

Итак, посол Республики в Вене Карло Рудзини 8/18 июля 1698 г. пишет два письма с извещением о меняющихся обстоятельствах приема высокого гостя: первое он адресует дожу Сильвестро Вальеру, а второе Винченцо Вендрамину, «генеральному проведитору» – наместнику дожа в пригородном г. Пальма [8, 428–429, 453]. Строгая секретность в первые дни пребывания в лагуне – главное требование московского гостя, которое прозвучало еще до получения письма Ромодановского о стрельцком бунте. Причина заключалась в том, что царь желал, оставаясь никому не известным, хотя бы немного времени посвятить осмотру верфей Арсенала и фабрик Мурано, понимая, что после официального приема ему не было бы отбоя от любопытных, как это случилось раньше в Голландии и Англии [8, 429–430].

После отправления волонтеров Склеяева пребывание Петра в Вене документируется следующим образом.

14/24 июля он частным образом встретился с императором Леопольдом и с венецианским послом Рудзини, который на следующий день выдал ему паспорт на имя Меншикова (Alessandro Minschios), путешествующего с семьей персонами [8, 491, 493].

15/25 июля Петр простился с императором и должен был выехать из Вены.

16/26 июля венецианский посол информирует начальство, что царь так и не отправился в путь из-за неизвестных ему новостей, пришедших из Московии [8, 496].

18/28 июля Петр присутствовал на приеме по случаю отъезда великих послов, находясь за креслом Франца Лефорта. Это данные австрийского источника, которые приводят Устрялов и Богословский [4, 149; 10, 543].

Наконец, 19 июля, согласно записи в камерфурьерском журнале, Великое посольство (а вместе с ним и царь) отправилось в Москву.

Итак, если предположить, как это сделал С. О. Андросов, что данные австрийской стороны о присутствии царя на приеме у императора Леопольда в качестве слуги (что действительно выглядело бы странно) являются ошибкой работников императорского протокола (возможно, не без «помощи» русских), а информация об отложенной поездке царя в Венецию, содержащаяся в сообщениях дипломатов, является не чем иным, как дезинформацией со стороны посольства, для того чтобы наоборот позволить царю без помех совершить быстрый и тайный визит, то получается (в отсутствие других свидетельств о нахождении Петра в столице Австрии), что он мог, отправившись из Вены 15/25 июля и передвигаясь в сменных экипажах днем и ночью, достичь лагуны уже 28 или 29 июля и, пробыв в Венеции сутки, 30-го отправиться в Россию. Тогда он мог нагнать Великое посольство в Польше [13, 30] и как ни в чем не бывало продолжать движение, тем более что к тому времени из Москвы были получены сведения об усмирении мятежа, а в Польше между тем состоялось знакомство молодого царя с королем Августом II (31 июля / 10 августа), ставшее последним шагом на пути к смене курса внешней политики России и прологом к скорому началу Северной войны [11, 50].

Свои соображения Андросов дополняет, во-первых, докладом капитана Местре Фериго Марина от 19/29 июля, сообщавшего о прибывших ночью на переправу восьми москвитях, а во-вторых, сведениями венецианской тайной полиции, агент которой в нескольких записках доносил о секретном приезде Петра в Венецию. В этих депешах «конфидент» докладывал о месте пребывания царя, об отвлекающих маневрах русских с целью отвести внимание тайной полиции и очень приблизительно об его передвижениях 29 и 30 июля (н. ст.) [23, 25; 8, 465, 427–428].

Наконец, вполне логично и объяснение столь авантюрного шага. Петр устал от беспо-

лезного сидения в Вене. Посольство своей цели не достигло, наступательный союз против Турции по сути не состоялся. Достопримечательно были пересмотрены, а уехать было нельзя – необходимо было дожидаться прощальной аудиенции у императора, обязательного протокольного мероприятия. Петр был более свободен в передвижениях, чем послы, однако он хотел вернуться в Россию вместе с ними. 15/25 июля, после получения сообщений из Москвы, ожидание становилось невыносимым, а паспорт для проезда в Венецию между тем был уже выписан. Вполне возможно, что царь решил использовать дни, оставшиеся до аудиенции, а также факт своего формального отказа от визита в лагуну для того, чтобы все же ее посетить, не привлекая внимания венецианского правительства.

Изучая эту гипотезу С. О. Андросова, нам захотелось пересмотреть те данные, которые приводят Устрялов, Шмурло и Богословский, и вновь сопоставить некоторые подробности тех дней, исходя из имеющихся архивных материалов. В результате ее удалось уточнить и дополнить тремя пунктами.

Во-первых, Андросов на основании письма нунция Санта-Кроче кардиналу Спада полагает, что последний раз Петр виделся с Леопольдом 16/26 июля [23, 21; 8, 497–498]. Однако имеются свидетельства, что последние визиты царь отдал 15/25 июля. Например, сообщения посла Испании в Германии, а также Карло Рудзини, лично встречавшегося в этот день с Петром и передавшего ему паспорт для проезда в Венецию [8, 498, 493; 4, 143–144; 5, 554]. Свидетельство последнего особенно важно, поскольку он виделся с Петром сразу после его прощального визита к императору. 16 июля датируется письмо царя Ф. Ю. Ромодановскому, в котором он сообщает о своем скором приезде в Московию [13, 266]. Письмо отправлено «из Вены». Однако оно могло быть отослано из столицы на следующий день после написания и отъезда царя. Таким образом, можно считать, что если Петр все же поехал в Венецию, он имел как минимум на 12 часов больше, чем полагал Андросов, чтобы прибыть в ночь на 19/29 июля к переправе в Местре.

Во-вторых, касательно этой переправы имеются донесения подеста Марино Фериго, который сообщает о прибытии ночью с 28 на 29 июля восьми русских «кавалеров», для которых некто Карло, венецианец из прихода Святых Апостолов, требовал лодки, упоминая при этом русского царя [23, 23; 8, 465–466]. Количе-

ство кавалеров соответствует заявленному в паспорте, выданном Петру Рудзини. Но возможен вариант. Всего в группе волонтеров, выехавших 14/24 июля, было шесть человек. Отправились они из Вены на день раньше, чем Петр (14/24 и 15/25 июля соответственно), и ехали, как и предполагалось первоначально, пять дней [8, 430]. Значит, ночью на переправе должны были быть по плану волонтеры первой группы. У царя было три с половиной дня, но он двигался значительно быстрее волонтеров и, вполне возможно, нагнал Склеява со спутниками еще в пути или уже на переправе. В дальнейшем мы нигде не находим упоминания о двух группах москвитов, приехавших с небольшим перерывом одна за другой в Венецию, но только об одной: по словам одного источника, из восьми, а по словам другого – из семи кавалеров [8, 427]. Е. Ф. Шмурло, приводя текст записки «конфидента», который доносит о группе Ф. Склеява, почему-то не обращает внимания на слова «sette suoi cavalieri» (плюс, естественно, сам Петр), тогда как она при отправлении из Вены насчитывала всего шесть человек! Поэтому можно предположить, что указанные восемь кавалеров на переправе были шестью волонтерами, к которым присоединился Петр без свиты с одним из своих спутников, например, с А. Меншиковым. Кстати, сам светлейший князь говорит о Венеции, как если бы он бывал в ней [23, 27]. Возможность путешествия царя без свиты – с одним или двумя сопровождающими – подтверждает венецианский резидент Альберти, который 12 августа (н. ст.) пишет из Львова: «Царь Московии прибыл неожиданно из Вены в Польшу всего с двумя спутниками, отправившись прямо на встречу с королем, который принял его с исключительной изысканностью. По этой причине он задержался в Раве на три дня» [8, 517–518]. Итак, здесь сообщается, что Петр прибыл в Раву Русскую (31 июля / 10 августа, согласно Юрналу) отдельно от посольства и непосредственно из Вены. Правда, мы видим, что царь путешествует с двумя сопровождающими, а не с одним. Однако вполне возможно допустить, что по дороге из Венеции, которая все равно пролегла через Австрию, кто-то из его ближайших соратников ожидал его на одной из почтовых станций согласно заранее обговоренному плану. О том, что царь часто путешествовал отдельно от Великого посольства, сообщают со ссылкой на Богословского также Гусевичи (11, 41).

В-третьих, в доказательство того, что вместе с группой прибывших 19/29 июля в Венецию

московитов находился сам царь, приведем также тот факт, что реакция венецианских ведомств на запрос, который был направлен «кавалерами» в Palazzo ducale в самый день его возможного приезда, оказалась весьма быстрой, можно сказать, стремительной. В «Сборнике документов» Е. Ф. Шмурло имеется записка, направленная 19/29 июля из комиссии Senato Mar (канцелярия Морского министерства) на имя дожа. В ней сообщается, что «московские кавалеры» просят разрешения нанять пятерых греческих моряков для службы у царя Московии. Под 20/30 июля из канцелярии магистрата Provveditori all'Armar на имя дожа направляется уже другая записка, в которой сообщается, что комиссия по его просьбе провела проверку этих моряков и не видит препятствий в выдаче им паспорта для проезда на службу в Московию [8, 465, 496]. То есть дож (или пусть даже его секретариат) моментально отреагировал на обращение первого ведомства и, направив запрос во второе, сразу же получил на него ответ после проведенной проверки. На все это ушло всего два неполных дня. Сложный бюрократический механизм венецианской государственной машины сработал фантастически быстро! Если Петр побывал в Венеции, он жил отдельно от волонтеров, скорее всего вместе со стольниками и Б. П. Шереметевым в доме грека Дзордзи, как на это указывает и «конфидент». А если это было так, то вполне естественно, что ему лично представили там греческих моряков и он приложил все усилия, чтобы за время своего кратковременного пребывания решить вопрос с их наймом на службу, направив прошение от имени «кавалеров», а венецианское правительство, догадываясь, кто на самом деле обращается с этим запросом, неожиданно быстро удовлетворило ходатайство, что является косвенным свидетельством присутствия в Венеции самого царя.

Итак, приведенные выше факты могут считаться аргументами в пользу того, что, во-первых, у царя, если он все же предпринял путешествие в Венецию, было не три, а три с половиной дня (и три ночи) на дорогу, что делает возможным быстрый переезд (почти по 150 верст в сутки), а во-вторых, что с группой русских, прибывших в Местре в ночь с 28 на 29 июля, находился сам Петр – независимо от того, были ли это волонтеры «первого десятка» с присоединившимся к ним по дороге царем или группа самого «бомбардира» с паспортом, выданным в Вене 15/25 июля Карло Рудзини на имя Alessandro Minschios.

В качестве уточнения добавим, что если Петр все-таки посетил Венецию, то, по всей вероятности, в его распоряжении был не один, а два (пусть и неполных) дня [23, 26]. О двух днях пребывания царя в Венеции говорит и «конфидент» [8, 428].

Конечно, изложенных косвенных данных недостаточно, для того чтобы определенно утверждать, что государь побывал в «городе мостов и каналов». Интересная гипотеза Андросова все же оставляет много вопросов. Особенно трудно примирить с предположением, будто царя со второй половины дня 15/25 июля уже не было в Вене, три следующих эпизода.

Во-первых, мы допустили, что свидетельство австрийского источника о том, что Петра видели во время прощального приема, устроенного великим послом Леопольдом I 18/28 июля, могло быть ошибочным. Утверждается, что Петр находился за креслом Франца Лефорта, который с разрешения цесаря угостил его вином [4, 149; 10, 543]. Действительно, как справедливо замечает Андросов, роль слуги была совсем неподходящей для царя, пусть и считавшегося частным лицом [23, 21]. Однако имеется еще одно свидетельство, причем не анонимного хрониста из Zeremonial-Protokoll, а барона Кёнигсакера, «комиссара аудиенции», который утром видел царя в покоях Лефорта, прежде чем посольский кортеж выдвинулся на прием к цесарю [4, 146].

Во-вторых, рядом со свидетельством австрийского сановника расположим письмо французского дипломата Дапилли, в котором тот утверждает, что встречался с Петром утром 18/28 июля [5, 563; 24, 113–141]. Не забудем, впрочем, что 18 июля в 10 утра в дом графа Чернино, где располагались великие послы, уже прибыл Кёнигсакер, для того чтобы сопроводить их во дворец «Фаворита» на прощальный прием у цесаря. Перед его приездом в доме наверняка царил суматоха – нашлось ли в тот момент время для важного разговора с французским представителем? [4, 145]

Наконец, в-третьих, факт «странного», по мнению С. О. Андросова, свидания Петра с наследником престола – «королем Римским» Иосифом – 19/29 июля в день отъезда царя из Австрии. Хотя встреча продлилась не более пяти минут, нет особых оснований думать, что Иосиф мог спутать царя с кем-нибудь еще [4, 150; 23, 22].

Сомнения в реальности гипотетического марш-броска царя в Венецию вызывают не только указанные факты. Странно, например,

почему из довольно обширного круга людей – волонтеров, стольников, греческих матросов, с которыми Петр и его возможные спутники встречались и общались в Венеции, или тех, кто их окружал и с кем они могли делиться впечатлениями впоследствии, – никто никогда ничего не сообщал об его столь экстравагантной поездке? Может ли служить указанием лишь брошенная вскользь фраза Меншикова – мысль, возможно, повторенная им с чужих слов, что «Петербург – другая Венеция»? Ведь она скорее свидетельствует об обратном – о том, что Меншиков не был в Венеции, которая на самом-то деле имеет мало общего с Петербургом [23, 27; 11, 247].

Посещение Республики Святого Марка было неотъемлемой частью плана Великого посольства. Как говорилось выше, Серениссима, будучи единственной морской державой Священной лиги, являлась для России именно партнером, союзником, а не просто нейтральной страной подобно Англии и Голландии. И Петр был вправе ожидать там особого приема и особой открытости: он стремился посетить стекольные мастерские Мурано, Арсенал с его доками, его интересовали перспективы развития галерного флота ввиду уже задуманной им Северной войны и, конечно же, масса других технических вопросов – от морской артиллерии до найма

специалистов. Именно поэтому отмена поездки в Венецию была для него весьма досадной. «Зело нам жаль нынешнего полезного дела», – пишет государь Ромодановскому, когда оповещает его о своем скором возвращении. И действительно, без посещения Италии петровский «grand tour» оставался незавершенным [13, 266].

Впрочем, смириться с этим было трудно не только самому царю, но и исследователям, занимавшимся историей Великого посольства. Вот почему после публикации Андросова (1995) некоторые ученые с готовностью приняли его гипотезу за доказанный исторический факт, что представляется в корне неверным [25; 26, 150; 27, 61]. В данной публикации мы стремились проанализировать некоторые события, связанные с поездкой царя в Венецию или современные ей, и, не ставя себе целью дать окончательный ответ на вопрос, состоялась ли она на самом деле, на основе имеющихся данных привести соображения, которые могли бы быть приняты в расчет при будущих исследованиях этой части Великого посольства. Представляется, что дальнейшие поиски в итальянских архивах, в первую очередь в Ватиканском тайном архиве и в Государственном архиве Венеции, а также в Венском государственном архиве, могли бы дать больше информации по этой теме.

Библиография:

1. Ястребов А. О. Страницы русско-венецианской дипломатической переписки в 80-х и 90-х годах XVII века // *Ricerche Slavistiche*. 2015. № 13 [в печати].
2. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция LX. Петр Великий, его наружность, привычки, образ мыслей, характер // *Петр Великий: pro et contra*. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2003. С. 288–305.
3. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 14 (1676–1703). Харьков: Фолио, 2002. 177 с.
4. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1858. 652 с.
5. Гузевич Д., Гузевич И. Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 907 с.
6. Ключевский В. О. Петр Великий среди своих сотрудников // *Петр Великий: pro et contra*. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2003. С. 355–386.
7. Шаркова И. С. Россия и Италия. Торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л.: Наука, 1981. 178 с.
8. Шмурло Е. Ф. Сборник документов, относящихся к истории царствования Петра Великого. Т. 1. 1693–1700. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1903. 722 с.
9. Артамонов В. А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М.: Фонд «Русские витязи», 2015. 96 с.
10. Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. 624 с.
11. Гузевич Д., Гузевич И. Великое посольство. СПб.: Феникс, 2003. 280 с.
12. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. IX. СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1868. 1108 ст.
13. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1887. 888 с.
14. Шмурло Е. Ф. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 года // *Ученые записки Императорского Юрьевского университета*. № 1. Приложение. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1898. 80 с.
15. Флоря Б. Н. Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV – начала XVI вв. Политическая и культурная деятельность // *Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья*. София: Издательство Болгарской академии наук, 1982. С. 123–143.
16. Флоря Б. Н. Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны // *Славяне и их соседи*. М.: Индрик, 1996. Вып. 6. С. 174–187.
17. Βακαλόπουλος Α. Ο Μέγας Πέτρος και οι Έλληνες κατά τα τέλη του 17 και τις αρχές του 18 αι. // *Επιστημονική επετήρις Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης*. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης, 1969. Ρ. 247–259.

18. Ястребов А. О. Братья Лихуды в Падуе и Венеции // Вестник церковной истории. 2015. № 1–2. С. 212–254.
19. Аракин В. Д. Иностранные языки в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина. 1958. Т. 80. С. 241–273.
20. Di Salvo M. Bombe intelligenti per Pietro il Grande // Studi in onore di Riccardo Picchio, offerti per il suo ottantesimo compleanno / A cura di R. Morabito; Università degli studi di Napoli, Dipartimento di studi dell'Europa Orientale. Napoli: M. D'Auria editrice, 2003. P. 295–301.
21. Μαλτέζου Χ. Α. Οι άμπασαδόροι τής Μεγάλης Μοσχοβίας στη Βενετία και ό Κρητικός Πόλεμος // Θησαυρίσματα. 2000. № 30. P. 9–20.
22. Походный журнал 1695 года. Журнал 206-го года. СПб.: Альфарет, 2009. 41 с.
23. Андросов С. О. Петр Великий в Венеции // Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Cargnano 1994. Roma: La Fenice Edizioni, 1996. P. 19–27.
24. Лавров А. С. Великое посольство в донесениях французских дипломатов // Ораниенбаумские чтения. Вып. 1: эпоха Петра Великого. СПб.: Тесса, 2001. С. 113–141.
25. Беспятых Ю. Н. Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб.: Историческая иллюстрация, 2005. Ч. II. 240 с.
26. Ден Д. История российского флота в царствование Петра Великого / Пер. с англ. Е. Е. Путятина; вступительная статья, примечания, научное редактирование П. А. Кротова. СПб.: Историческая иллюстрация, 1999. 192 с.
27. Калязина Н. В., Калязин Е. А. Окно в Европу. М.: Мосгорархив, 1999. 160 с.

References (transliterated):

1. Yastrebov A. O. Stranitsy russko-venetsianskoi diplomateskoi perepiski v 80-kh i 90-kh godakh XVII veka // Ricerche Slavistiche. 2015. № 13 [v pechatj].
2. Klyuchevskii V. O. Kurs russkoi istorii. Lektsiya LX. Petr Velikii, ego naruzhnost', privychki, obraz myslei, kharakter // Petr Velikii: pro et contra. SPb.: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2003. S. 288–305.
3. Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Kn. VII. T. 14 (1676–1703). Khar'kov: Folio, 2002. 177 s.
4. Ustryalov N. G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. 3. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1858. 652 s.
5. Guzevich D., Guzevich I. Pervoe evropeiskoe puteshestvie tsarya Petra. Analiticheskaya bibliografiya. SPb.: Feniks; Dmitrii Bulanin, 2008. 907 s.
6. Klyuchevskii V. O. Petr Velikii sredi svoikh sotrudnikov // Petr Velikii: pro et contra. SPb.: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2003. S. 355–386.
7. Sharkova I. S. Rossiya i Italiya. Torgovye otnosheniya XV – pervoi chetverti XVIII v. L.: Nauka, 1981. 178 s.
8. Shmurlo E. F. Sbornik dokumentov, odnosyashchikhsya k istorii tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. 1. 1693–1700. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1903. 722 s.
9. Artamonov V. A. Dunaiskii pokhod Petra I: Russkaya armiya v 1711 g. ne byla pobezhdena. M.: Fond «Russkie vityazi», 2015. 96 s.
10. Bogoslovskii M. M. Petr I: Materialy dlya biografii. T. 2. M.: OGIz; Gospolitizdat, 1941. 624 s.
11. Guzevich D., Guzevich I. Velikoe posol'stvo. SPb.: Feniks, 2003. 280 s.
12. Pamyatniki diplomateskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi. T. IX. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1868. 1108 st.
13. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 1. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1887. 888 s.
14. Shmurlo E. F. Otchet o zagranichnoi komandirovke osen'yu 1897 goda // Uchenye zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta. № 1. Prilozhenie. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1898. 80 s.
15. Florya B. N. Greki-emigranty v Russkom gosudarstve vtoroi poloviny XV – nachala XVI vv. Politicheskaya i kul'turnaya deyatel'nost' // Russko-balkanskije kul'turnye svyazi v epokhu Srednevekov'ya. Sofiya: Izdatel'stvo Bolgarskoi akademii nauk, 1982. S. 123–143.
16. Florya B. N. Rossiya, stambul'skie greki i nachalo Kandiiskoi voiny // Slavyane i ikh sosedi. M.: Indrik, 1996. Vyp. 6. S. 174–187.
17. Βακαλόπουλος Α. Ο Μέγας Πέτρος και οι Έλληνες κατά τα τέλη του 17 και τις αρχές του 18 αι. // Επιστημονική επετήρις Φιλοσοφικής Σχολής Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης, 1969. P. 247–259.
18. Yastrebov A. O. Brat'ya Likhudy v Padue i Venetsii // Vestnik tserkovnoi istorii. 2015. № 1–2. S. 212–254.
19. Arakin V. D. Inostrannye yazyki v Russkom gosudarstve v XVI–XVII vv. // Uchenye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta imeni V. P. Potemkina. 1958. T. 80. S. 241–273.
20. Di Salvo M. Bombe intelligenti per Pietro il Grande // Studi in onore di Riccardo Picchio, offerti per il suo ottantesimo compleanno / A cura di R. Morabito; Università degli studi di Napoli, Dipartimento di studi dell'Europa Orientale. Napoli: M. D'Auria editrice, 2003. P. 295–301.
21. Μαλτέζου Χ. Α. Οι άμπασαδόροι τής Μεγάλης Μοσχοβίας στη Βενετία και ό Κρητικός Πόλεμος // Θησαυρίσματα. 2000. № 30. P. 9–20.
22. Pokhodnyi zhurnal 1695 goda. Yurnal 206-go goda. SPb.: Al'faret, 2009. 41 с.
23. Androsov S. O. Petr Velikii v Venetsii // Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Cargnano 1994. Roma: La Fenice Edizioni, 1996. P. 19–27.
24. Lavrov A. C. Velikoe posol'stvo v doneseniakh frantsuzskikh diplomatov // Oranienbaumskie chteniya. Vyp. 1: epokha Petra Velikogo. SPb.: Tessa, 2001. S. 113–141.
25. Bespyatykh Yu. N. Aleksandr Danilovich Menshikov: mify i real'nost'. SPb.: Istoricheskaya illyustratsiya, 2005. Ch. II. 240 с.
26. Den D. Istoriya rossiiskogo flota v tsarstvovanie Petra Velikogo / Per. s angl. E. E. Putyatina; vstupitel'naya stat'ya, primechaniya, nauchnoe redaktirovanie P. A. Krotova. SPb.: Istoricheskaya illyustratsiya, 1999. 192 с.
27. Kalyazina N. V., Kalyazin E. A. Okno v Evropu. M.: Mosgorarkhiv, 1999. 160 с.